

Владимир Кириллов

Конгломерат

Владимир Кириллов

Конгломерат

«Издательские решения»

Кириллов В.

Конгломерат / В. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509480-3

Новая книга петербургского писателя Владимира Кириллова завершает цикл аналогичных книг, включающих в себя произведения различных жанров, и вновь объединяет под одной обложкой рассказы, притчи, стихотворения, афоризмы, анекдоты. Произведения написаны лёгким для восприятия языком, чаще в ироничной манере, отражающей авторское восприятие действительности, но, вместе с тем, затрагивают многие философские проблемы и вечные темы человеческого бытия.

ISBN 978-5-00-509480-3

© Кириллов В.
© Издательские решения

Содержание

Стихотворения	7
Легенда	7
У камина	8
«Он не боялся – дважды два ...»	9
Миражи	10
Мы	11
«Пускай дотла сгорю в огне...»	12
«Иди, тебя никто не победит...»	13
«На столбовой дороге...»	14
Сон	15
«Однажды, может, иногда...»	16
Параллельные миры	17
Пришельцы	18
Контакт	19
К Ницше	20
Игрок и Смерть	21
Четыре воина	22
Древо Познания	24
Русские	25
«Забыла Франция Дантона...»	26
«Порочный круг – не замкнутый...»	27
«Меня простите не за то...»	28
Победители	29
«И если нечего сказать, тогда молчи...»	30
«Разверзлась бездна подо мной...»	31
Встреча	32
Дыба	33
Жизнь и Смерть	34
Баллада о сладострастной царице	35
Рождение Венеры	36
Вид из окна	37
Реквием по себе	38
Триптих	39
«Я держал раскалённую сковороду...»	40
Мы и неандертальцы	41
«Поэта обидит каждый...»	42
«Быть может, всё же янки не тупые...»	43
«Вода – парное молоко...»	44
Четырептих	45
Бумажный кораблик	46
Истина	47
«Снял ауру в прихожей...»	48
Украинцы и мы	49
И снова о геополитике	50
Однажды	51
«На краю Ойкумены...»	52

Древняя Греция	53
Набросок к балладе	54
Подводя итоги	55
Не сосем детское	56
Лёгкий ужин	57
Наёмник	58
Покаяние	59
«Нет, не ценят русские евреев...»	60
«Вот она стояла длинноногая...»	61
Ностальгия	62
Диссидент	63
Плач	64
Диалог о выборе жизненного пути	65
«Почему Луна так притягательна?..»	66
Песенка про Англию	67
Кармелита	68
Победа	69
Богдановичу	70
А. Богдановичу	71
Мне очень жалко	72
О мраке в стане Зодиаков	74
Гномики-гомики	75
Лесной Барсук	76
Из стихотворений о Петрухе Митине	77
Басни	81
Инцидент в лесу	81
Скотный двор	82
Любовь и Хозяин	83
Вошь и Божий Свет	84
Боль и Воля	85
Пророк и я	86
Слава, Власть и Богатство	87
Мы и динозавры	88
Братание	89
Заяц, Волк и истина	90
Кот и Мыши	91
Испорченная Лиса	92
Дилемма	93
Лесник и Лиса	94
Селекция	95
Былины	96
Былина про то, как Самсон, Голиаф и Геркулес на Русь ходили	96
Былина про то, как Алёша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец на охоту ходили	98
Былина про то, как Илья Муромец с Добрыней Никитичем поссорились	99
Былина про то, как Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович славян объединяли	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Конгломерат

Владимир Кириллов

© Владимир Кириллов, 2019

ISBN 978-5-0050-9480-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихотворения

Легенда

Мы шли, не ведомо куда,
Не зная, не спросив.
Ручьями талая вода
Изранила массив.

Мы песни рваные как стон
Горланили, крича,
Когда на нас со всех сторон
Слетелась саранча.

Пока рука держала меч,
Был каждый словно зверь.
Не видел свет подобных сечь,
А тьма – таких потерь.

И пили мы на брудершафт
Живую кровь, кто смог.
Почти космический ландшафт
Лежал у наших ног.

Но лишь о тех, кто жизнь свою
На время сдал в ломбард,
Слагает мифы во хмелю
Седобородый бард.

У камина

Я растворился в кресле у камина,
Где пламя лижет дров сухих шалаш.
На полке глиняная балерина
С улыбкой, словно клоун Карандаш.

И мечется огонь животным многоликим,
Пытаясь на решётку налететь.
На мраморе мифические блики
Мистерией про жизнь или про смерть.

В ладонях прячется стакан со льдом и виски.
Трещат поленья, искры-светляки.
Сегодня мир вдруг стал до боли близким,
Почти как пальцы сломанной руки.

А в полудрёме тусклые фантомы
Плывут, как будто, в небе облака.
И я опять хочу разговорить Харона,
Смешного, в сущности, немого старика.

Приходят поздно здравые идеи,
Когда нет сил парить или летать,
Когда виски предательски седеют,
И койкой видится просторная кровать.

Но есть пожар, зажатый между стенок,
А значит, есть предел у пустоты!
И, может быть, остался от вселенной
Не только сладкий и приятный дым.

«Он не боялся – дважды два ...»

Он не боялся – дважды два —
Ни татей, ни воров,
Лишь опасался иногда
Румяных докторов.

И сердце нежное своё,
Чтоб кто-то не украл,
Надёжно завернув в тряпьё,
Под грушей закопал.

И тут же отступили страх,
Сомнения и боль.
Он стал отчаянным, как Гракх,
И хрупким, как Ассоль.

Стал жить привольно и легко,
А проще, без забот,
Ведь сердце храброе его
Хранил садовый крот.

Но не бывает без проблем,
Когда всё тип и топ,
Хоть веселился, пил и ел,
И мир сосал, как клоп,

А было грустно по утрам
На празднике зари...
Быть может, просто сердце там
Скучало без любви?

Миражи

Всхожу ли я на берег влажный,
Где волны трутся о гранит,
Где над стволами змей бумажный
Орлом расцвеченным парит.

Брожу ли я тропой лесною
По жилам высохших корней,
Где тень соседствует с сосною,
Где воздух гуще, чем елей.

Сижусь ли на холмах горбатых
Среди нескошенной травы,
Где пахнет юностью и мятой,
Где не укрыться от жары.

Везде, куда судьба забросит,
Налёт сомнения лежит.
А за спиной смеётся осень
И возбуждает миражи.

Мы

Мы все немножечко евреи,
Хотим мы этого иль нет,
Нас по пустыням Моисеи
За ручку водят много лет.
А мы по притчам Соломона
Сверяем мысли и дела —
Потомки славного Додона
И тех, что Сара родила.

Мы все немножечко с приветом,
По принципу «вопрос – ответ»,
И слепо следуем советам,
Забыв, что дан один завет.

Мы все немножечко с Востока,
Ещё не инь, уже не янь,
Но отдаляясь от истока,
Не понимаем: дело дрянь.

Мы все немножечко евреи,
Идя по скользкому пути,
Себя мы искренне жалеем.
Так нам и надо. Бог простит.

«Пускай дотла сгорю в огне...»

Пускай дотла сгорю в огне,
Пускай гореть я буду вечно,
Лишь только раз достанет мне
Лечь с самой роковой из женщин.

Пускай свистит жестокий кнут,
Врубаясь в плоти ком кровавый,
Коль я смогу хоть пять минут
Блестать в лучах всемирной славы.

Пускай гнилая пасть гиен
Без срока рвёт меня на части,
Когда познаю сладкий плен
Короткой абсолютной власти.

Пускай проказа обратит
В сплошной гнойник лицо и члены,
Лишь поддержку аккредитив
На золото из всей вселенной.

Не страшен ад, а страшен рай.
Ведь, если даже не сумею
Хотя бы раз зайти за край,
Тогда зачем живу и верю?!

«Иди, тебя никто не победит...»

Иди, тебя никто не победит,
Иди смелей и ничего не будет:
Не будет мелочных обид,
Которых так боятся люди;

Не будет призрачных потерь —
Ты потерял уже, пожалуй,
Ту бронированную дверь,
Которая твой мир держала;

Не будет яда клеветы
И лицемерия не станет:
Давно забытые черты
Не возбуждают и не ранят;

Не будет солнца по утрам
И вечерами чая с мёдом;
Не будет тех глубоких ран,
Которых не излечишь йодом;

Не будет яростных боёв,
Когда друзья уходят строем;
Забудешь, что такое клёв
И как волчок внутри устроен...

И лишь вопрос: зачем идти?
Кому нужна твоя удача?..
А ива глухо шелестит
И над водой тихонько плачет.

«На столбовой дороге...»

На столбовой дороге,
Как раз у перекрёстка
Ломали людям ноги,
Кнутом стегали хлёстко.

И отбирали тут же
Все денежные знаки,
Детей валяли в лужах,
Кидали в буераки.

Когда вставали звёзды
И видели дорогу,
Свои скупые слёзы
Роняли понемногу.

Там до сих пор, приятель,
Не часто и не сразу
Находит вдруг старатель
Прозрачные алмазы.

Сон

Мне снился сон, обычный сон:
Семнадцать девственниц роскошных
На фоне моря и колон,
То, изгибаясь, словно кошки,

То, выпрямляясь, как шесты,
Вокруг меня играли телом,
И чувством, может быть, шестым
Я понимал – дойдёт до дела.

Но вдруг туман, потом гроза,
И тот же берег, но пустынный.
И мы стоим глаза в глаза,
В руках мечи, щиты на спинах.

Под ветра бешеного вой,
Под свист кружащихся песчинок
Вступили мы в смертельный бой —
Последние в стране мужчины.

Звенят булатные мечи,
И пузырится кровь на ранах.
Ещё удар, а враг молчит,
Лишь оседает как-то странно.

Повержен, но не мёртв злодей,
Пришедший отобрать свободу.
А мне кричат: «Убей. Убей!»
Кричат поля, леса и воды.

Кричит: «Убей!» – старуха-мать,
Кричат: «Убей!» – жена и дети:
«Он приходил, чтобы отнять,
И ты один теперь в ответе».

Кричат погибшие друзья,
Я в жутком крике задохнулся...
Свой меч над миром поднял я...
Но в этот миг, увы, проснулся.

«Однажды, может, иногда...»

Однажды, может, иногда,
Почти всегда, короче,
Приходит подлая беда,
Лихая, но не очень.

Стучаться в дверь или окно
Ей недосуг, пожалуй,
И как в Диснеевском кино,
Слезой давить на жалость.

Она зашла хозяйкой в дом
Надолго и надёжно,
С бедою справиться, при том,
Бывает очень сложно.

Безмолвно сделала своё
Препакостное дело:
Когда-то ладное жильё
Она без соли съела.

Потом присела на порог,
Вздохнула полной грудью,
Весьма болезненный урок
Дала беспечным людям.

А люди, если рассуждать,
Беспочвенно дрожали,
Беда, конечно же, не мать,
Но тоже не чужая.

Она, наверно, неспроста
Являлась днём и ночью...
А вдруг дотянешь лет до ста?!
Беде не хватит мочи.

Параллельные миры

А в параллельном мире
Живут сто тысяч лет
В пещере иль в квартире
Под инфракрасный свет.

Нельзя сказать наверно,
Чего на праздник пьют,
Едят ли там шаверму
И любят ли уют.

Но коль сто тысяч могут,
Конечно, крепко пьют,
И даже недотроги
Не слишком честь блюдут.

Свобода повсеместно
И равенство для всех.
Одно лишь плохо – тесно,
Да так, что просто смех.

Пришельцы

В межгалактическом пространстве
Средь неопятных Чёрных дыр
Слонялись разные засранцы
И без руля, и без ветрил.

Одни вторгались на планеты,
Как будто кто-то их просил,
Аборигенов на котлеты
Без сантиментов замесив.

Другие знания алкали
И буром пёрли на рожон.
Те оптом сгинули в Сахаре,
Залюбовавшись миражом.

А третьи – до сих пор как дети
Играют в прятки без конца.
Вы их встречали на рассвете
То в неглиже, то без лица...

Контакт

Прилетели на тарелках
Внеземные существа —
Три каких-то недомерка
Без ушей и естества.

Захотели подобраться
К ваящим тайнам бытия,
Чтоб себе присвоить, братцы,
Нашу родину – Земля.

Забирали для эмпирий
Полу вызревших невест,
Что-то внутрь им вводили
Под наркозом или без,

Отправляли в гиперполе,
Возвращали ровно в шесть,
Чтобы те по доброй воле
Рассказали, что как есть.

И теперь, покуда встретил
Половинку для семьи,
Как узнаешь, коли дети,
Где твои, где не твои.

В общем, трио с Альтаира
Иль других каких краёв
Нас лишило центра мира:
Веры в чистую любовь.

К Ницше

Мне снится, Ницше,
На травке Кафка,
Немецкий шницель
Он вкусно чавкал.

Проснулся сразу —
Постель нагрета —
Добро бы сразу
Или котлету.

Я выпил воду
С ладони прямо,
Из бутербродов —
Засохший пряник.

Вот это глыба!
Одно лишь грустно:
Молчал как рыба
Твой Заратустра.

Игрок и Смерть

Когда-то, в мутные года
Жил на Земле Игрок.
Во всё, что хочешь, он играл,
Причём, играл как бог.
Он был отчаянный боец.
Когда ж пришла Она,
Отсрочить плановый конец
Он страстно возжелал.

«Хотя на свете я в гостях,
Отнюдь, не праздно жил,
Давай сыграем на костях», —
Он Смерти предложил.

«И коли выпадет в твой ход,
К примеру, дубль пять,
Мне дашь полгода или год,
А там... метнём опять».

«Доколе будем мы играть?» —
Спросила Смерть его:
«Ведь часто может выпадать
Заветное число».

«Там будет видно, не грусти,
Всегда приму отказ», —
В стаканчик кости опустил,
Не опуская глаз.

Присущ и Смерти был азарт,
Не всё ж ей так косить,
А этот грамотно сказал,
Не стал, как все, просить.
С тех пор встречались каждый срок,
Чтоб партию сыграть.
Про кости Смерти невдомёк:
На каждой грани – пять.

Четыре воина

Когда Земля на грани краха,
И мир летит в тартарары,
У той, прославленной, горы
Они одни встают из праха.

Берут потёртые доспехи,
Мечи, разбитые щиты,
И выходя из темноты,
Не сомневаются в успехе.

Хотя всего их двадцать восемь.
Зато вокруг врагов не счесть.
Но, с ними Бог и с ними честь,
И каждый слово в сердце носит.

Жаль только четверым достанет
Безумный подвиг совершить.
Ведь властью им не дорожить,
Их слава грешная не манит.

И первый здесь, конечно, Воля.
Он твёрд, бесстрашен и суров,
Свободен от любых оков,
Не знает слабости и боли.

Другой – теперь Добром зовётся.
Пускай дороден и болтлив,
Немного, может быть, сонлив,
Не он не хуже братьев бьётся.

На левом фланге Правда-воин.
Упряма, задирист и плечист,
Жаль на руку не слишком чист,
Но, в целом, большего достоин.

Последний – названный Любовью.
Надёжен, право, не всегда,
Но лихо рушит города
И проливает реки крови.

Когда же бой утихнет грозный,
Испив игристого вина,
Забудут, чья была война,
Уйдут, как высохшие слёзы.

Тогда никто и не захочет
Любви, и Правды, и Добра,
И Воли, что была с утра,
Но странно пропадает к ночи.

Древо Познания

Эдем – это сад цветущий,
Здесь каждой по паре твари,
Гуляют в косматых кущах
В каком-то слепом угаре.

Растут апельсины, вишни,
А где-то, немного слева,
Где нету свидетелей лишних,
Укрылось Познания Древо.

Его охранять не смеют —
Все знают, что плод запретный.
Фамильная вотчина Змея
То дерево было при этом.

Безгрешный ребёнок Ева,
Чиста, как грядущая вьюга,
Подводит к Познания Древу
Большого дурного друга.

В союзе с коварным Змеем —
Здесь всё до смешного просто —
Залили Адама елеем,
Чтоб не было лишних вопросов,

И плод с самой верхней ветки,
Запретным умом налитый,
Такой аппетитный и редкий,
Попался троим троглодитам.

Вкусили-то по кусочку,
Он вяжущим был и кислым...
Большая и жирная точка
Над раем в тот час повисла.
Нельзя обитать в Эдеме
Имея сужденья и взгляды,
Задумаешься на время —
И сразу окажешься рядом.

Где нужно еду и одежду
В трудах добывать и муках,
Где Вера, Любовь и Надежда
Пока лишь доступны глупым.

Русские

Тропинкою закрученной,
Минуя злые осыпи,
Взбираемся по кручам мы
Не голыми, так босыми.

Глядим в ущелья узкие,
Морозит страх под кожей.
В горах мы просто русские —
Случайные прохожие.

Зато низины ровные,
Зато леса дремучие
Для нас, как братья кровные,
Мы здесь от веку лучшие.

Давно истёрлись в памяти,
Кто лез и кто науськивал.
Всех обучили грамоте,
Недаром, что мы русские.

«Забыла Франция Дантона...»

Забыла Франция Дантона,
Стёрт в памяти любой Комнин...
Сейчас фигурки из картона
На полке, где дымит камин.

Сухих цветов больные листья,
На вазе мёртвая пыльца.
И что-то неприметно лисье
В чертах небритого лица.

Он – правнук царского лакея:
Фамильный герб, старинный род,
Похмельем каждый раз болея,
Честит по матери народ.

Он – уцелевший в бурном веке
Под градом брани и камней,
Ещё похож на человека,
Но без претензий и корней.

И если вдруг теперь забудем,
Откуда появились мы,
То тоже станем: вроде люди,
Но с полкой вместо головы.

«Порочный круг – не замкнутый...»

Порочный круг – не замкнутый,
Он, как спираль, закрученный.
Злой рок прорваться в дамки дал:
Всё к лучшему, всё к лучшему.

Шинель уж молью съедена,
Висит, как вишня спелая.
Ты ночью кем-то бредила:
Что сделано, то сделано.

Мы ценим прорицателей,
Страданье – вождление.
Послать бы всех по матери
От Рюрика до Ленина.

Любовь – как эманация,
И к женщине, и к Родине.
Такая, в целом, нация —
Загадочная, вроде бы.

Но вымучили миссию
И верим во спасение.
Боюсь, не хватит бисера
Метать до воскресения.

«Меня простите не за то...»

Меня простите не за то,
Что я грешил, не зная меры,
Что чужд был благости и веры,
И редко жил с закрытым ртом.

Я не жалею ни о чём.
Да, наносил обиды скоро,
Да, бил без лишних разговоров,
Да так, что вывихнул плечо...

Но я прошу меня простить
За то, что не умел бояться,
За то, что не любил паяцев,
Не научился врать и льстить.

А это значит, что не смог
Внести свой вклад в разброд и хаос,
И как простой российский страус,
Запрятать голову в песок.

Победители

Вот так, играя на гармонии,
Мы пол Европы обошли.
Без дураков, без антимоний.
Из топора варили щи,
Таскали дом на шее в скатке,
Курили жгучий самосад,
И удивлялись на порядки,
И улыбались невпопад,

И оставляли пот и шрамы
На той игрушечной земле.
А за спиной Россия-мама
В кровоподтёках и золе.

Конечно, были прегрешенья,
Но лютовали не спеша.
Нас раздирали жажда мщенья
И чисто русская душа.

«И если нечего сказать, тогда молчи...»

И если нечего сказать, тогда молчи,
И не пиши, когда запор у мысли.
Стране нужны рабы и палачи.
А сливки? Сливки безнадёжно скисли.

На пьедестал опять поставили Тельца,
Втоптали в грязь загадочную душу.
И воду пьют с обрюзгшего лица,
Закрыв глаза и зажимая уши.

Где Третий Рим? Великие дела
Не по плечу ущербному колоссу.
Гора не мышь, а слепня родила —
Сегодня слепни пользуются спросом.

И если нечего сказать, тогда молчи.
Кому нужны бесплодные потуги?
Пока кататься можно на печи,
Зачем ковать мечи и строить струги?

«Разверзлась бездна подо мной...»

Разверзлась бездна подо мной,
Я прыгаю туда.
Пусть не окончен путь земной,
Так это не беда!

Лечу каких-то пять минут
И падаю на дно.
Меня уже нигде не ждут,
Но это всё равно.

Хотя когда-нибудь найдут
И примутся спасать.
Тащить наверх – напрасный труд,
А, в целом, наплевать.

Зачем из пазлов составлять
Разбитые мечты?..
Не можешь правильно летать,
Хватайся за кусты.

Встреча

Мой гений и твоя юнона
Терялись в дебрях Ойкумены,
Там, где раскидистые кроны
Предвосхищают перемены.

Пока плела свои интриги
Рождённая Ананке Клото,
Влачили тяжкие вериги —
Ежеминутные заботы.

Но нам готовили подарок —
Неотвратимая расплата —
Мои таинственные лары,
Твои надёжные пенаты.

Необходимость нашей встречи
Благословила Немесида...
Мерцали праздничные свечи,
Сгорали жалкие обиды.

Дыба

Я попал на дыбу не случайно:
Что-то и о ком-то проворчал...
Разбивалось в дребезги молчанье
У шарниров хрупкого плеча.
И хрустели кости рафинадом,
Соком вишни отливала кровь.
Здесь «не надо» тоже будет «надо»,
Здесь не в глаз, так сразу будет в бровь.

И по пояс голый дознаватель,
Вытирая с рук шершавых слизь,
Шепелявил в ус: «Колись, приятель.
Всё одно расколешься. Колись».

Рот сводило непотребной бранью,
Даже докер лучше б не сказал.
Трепыхались лёгкие в гортани,
Вылезали из орбит глаза.

И когда, подняв, швыряли на пол,
Тело билось, как девятый вал.
Может быть, я даже выл и плакал...
Только близких точно не сдавал.

Жизнь и Смерть

Сошлись однажды жизнь и смерть
В своём извечном споре.
Жизнь продолжает боль терпеть,
Смерть корчится от боли.

Жизнь продолжает гнуть своё
О возрожденье духа
И лихо здравницы поёт
Без голоса и слуха.

Смерть обещает мрак и тлен
Без срока, без просвета,
И всех, кто жаждет перемен,
Грозится сбросить в Лету.

Мы ждём, чем кончится пари,
Хоть предпосылки лживы...
Пусть жизнь красиво говорит,
Мы, слава богу, живы.

Баллада о сладострастной царице

Под землёю в надёжной гробнице
Саркофаг на поставках стоит,
В нём роскошное тело царицы
Мёртвым сном много лет тихо спит.

Той, что в жизни без счёта дарила
Свои ласки приبلудным мужам.
Бурно пенилось тёмное пиво,
А под утро резвился кинжал.

И они отбывали в Валгаллу,
Распылив плотоядную страсть.
А царица кручинилась: мало,
Ей всё глубже хотелось упасть.

Ей хотелось на дно погрузиться,
Где кончаются слава и власть,
Где нельзя вожделеть и влюбиться,
Только болью насытиться всласть.

И она погружалась в пучину,
Где разврат – просто детский каприз,
Где мужчины – уже не мужчины,
И со смертью соседствует приз.

И однажды в глубокой темнице,
Восславляя насильственный грех,
Отдалась Люциферу царица
И не вынесла плотских утех.

Без креста, без одежд и без перлов
В саркофаг положили её...
Только мёртвое тело царевны
Не стареет и не гниёт.

Рождение Венеры

Из пены выходит Венера
Не смело и не умело,
Без боли, без пуповины,
Застенчиво и невинно.
Рождается будто бы морем
На радость ли или на горе?
Пока не решили Боги,
К чему ей такие ноги,
Зачем ей такие плечи —
Божественно человечьи?

Руками прикрывшись, стыдливо
Венера любить выходила.

Вид из окна

Мне хочется сказать тебе: «Прости».
А за окном тревожится Трезини.
И ты застряла в модном магазине,
Хотя давным-давно должна была прийти.

Мне хочется сказать тебе: «Постой».
Куда теперь спешить в жару такую?
Я глухарём безбашенным токую,
Просься домой, хотя бы на постой.

Мне хочется сказать тебе: «Забудь».
Давай начнём писать любовь сначала.
Вдали Нева торжественно молчала,
И Сфинксы нагло выставляли грудь.

Мне хочется сказать тебе: «Уймись».
Ну, кем ещё ты сможешь так гордиться?!
Смешно у Сфинксов расплывутся лица,
Когда на них помотришь сверху вниз.

Мне хочется сказать тебе: «Вернись».
К чему в шкафу ещё одна одежда?
На шпиле чуть поблёкшая надежда...
Вид из окна – ещё не вид на жизнь.

Реквием по себе

Я когда-нибудь сам соберусь в этот путь,
Только взять я собою забуду
Пару смены белья и вселенскую грусть,
Поцелуй на прощанье Иуды,

Восемь тысяч томов мной прочитанных книг,
Ту морщинку над правою бровью,
И всего лишь один ослепительный миг,
Тот, что ты окрестила любовью.

Я забуду пирушку за долгим столом,
Где все шапочно знали друг друга,
И ранимую память о хрупком былом —
Квадратуру порочного круга.

Я оставлю другим мой неласковый край,
Мысли, чувства, желания, гены...
Обогнув по дороге мифический рай,
Поселюсь в жадном чреве геенны.

Триптих

Вечерний гомон птиц залиvistый и звонкий,
Сереет небосвод, и ветер робкий стих.
А я стою один опять у самой кромки,
Соломинку рукой безжизненной схватив.
Вот слева колкий лес окутан пеленою,
Чуть ближе березняк шеренгой рваной встал,
Над ними слабый нимб над первою звездю,
Как будто кто её возвёл на пьедестал.

А справа утонул в густеющем тумане
Старинный особняк с облупленным лицом.
Фамильный гордый герб кого теперь обманет? —
Растаявшая тень ославленных отцов.

По центру же мираж раскинулся привольно:
И замки из песка, и жители – фантом...
Так почему же мне так нестерпимо больно,
Так «грустно и легко» и радостно, притом?!

«Я держал раскалённую сковороду...»

Я держал раскалённую сковороду,
Прижигал сигаретой ладони.
И предвижу, что будет в хвалёном аду,
Когда двину безвременно кони.

Я гулял по Монмартру, рубал фуа-гра,
Любовался Сияньем на Яне.
Жизнь, знаешь, азартная с виду игра,
Если есть, чем ответить, в кармане.

И любил, не скажу, чтоб одних королев,
Были, к слову, худые принцессы.
Первородный – не первый, но всё-таки грех,
Где итог уступает процессу.

И с друзьями алкал я напитки Богов,
Иногда допиваясь до истин.
Выше славы ценил перлы в россыпях слов,
Больше золота – мудрые мысли.

Мы и неандертальцы

На стоянке неандертальцев
Мы нашли обглоданный мосол,
Видно деланный не пальцем,
Он имел и дом, и стол.

Жрал, наверное, сивуху,
Мял дубиной черепа,
Называл жену «старухой»,
Воду ситом не черпал.

И воспитывал умело
Всех детей подряд округ:
Чёрных, жёлтых, красных, белых —
От жены и от подруг.

Он умел огонь наладить,
Плащ придумал на меху,
И не клянчил «Бога ради»,
Точно зная, ху есть ху...

Мы не помним наших предков,
А давно списав в архив,
Доедаем их объедки,
Разрешенья не спросив.

«Поэта обидит каждый...»

Поэта обидит каждый,
И каждый обидеть может.
Один, может быть, не понял,
Высокий душевный склад,
Другой, потому что умный,
А проще, бес спору, рожа,
Он что-то, наверно, понял
И очень этому рад.
А третий, конечно, главный
И рядовой читатель,
Он знает Есенина, Блока
И Мандельштама читал,
Бывает, не к месту скажет,
Что Кушнер его приятель,
Загадочно улыбнётся,
Как будто не врёт, нахал.

«Быть может, всё же янки не тупые...»

Быть может, всё же янки не тупые,
Читали Соловьёва и Платона,
Хотя индейцев в корне истребили,
Но завезли, к примеру, дядю Тома.

Зачем пенять потомкам англосаксов,
Они ведь лучше прочих воровали?!
Вы только раз представьте мир без баксов,
Хотя представить сможете едва ли.

А чем фастфуд, скажите, хуже манны?
И в чём тушёнка уступает пушкам?
Когда одни зализывают раны,
Другие могут очень жирно кушать.

Мы уважаем разные народы,
Все что-то вносят в общую копилку:
Кто душу, кто идею, кто свободу,
А янки вносят деловую жилку.

«Вода – парное молоко...»

Вода – парное молоко,
Вокруг волна кипит.
Он обмотал чело платком,
Схватившись за бушприт,

Два пистолета у бедра,
В зубах кинжал зажат:
Когда случается беда,
Не просто без ножа.

Тот бриг пошёл на abordаж
Без видимых причин —
Игра вслепую «дашь на дашь»
Привычна для мужчин.

Кому судьба акул кормить,
Кому пить сладкий ром,
Зачем в пылу борьбы судить? —
Оставят на потом.

Четырепятих Народные мотивы

1. Политическое

Вот избушка стоит, курьих ножек не счесть,
А в избушке столуется Баба-Яга...
Потерявшая молодость, совесть и честь,
Но любого способна осилить врага.

2. Эротическое

Вот избушка стоит, курьих ножек не счесть,
А в избушке столуется Баба-Яга...
И по лесу разносится добрая весть,
Что Кощею верна Костяная Нога.

3. Сказочное

Вот избушка стоит, курьих ножек не счесть,
А в избушке столуется Баба-Яга...
И на шабаш вся нечисть собирается здесь:
Запах серы, копыта, клыки и рога...

4. Ужасное

Вот избушка стоит, курьих ножек не счесть,
А в избушке столуется Баба-Яга...
И к лопате привязан, измазанный весь,
Мальчик Ваня – заморыш, но всё же еда.

Бумажный кораблик

Он плавал по лужам отважно,
В любую погоду ходил
Один парходик бумажный —
Ни якоря, ни ветрил.

Но очень хотелось на волю
К неведомым землям уйти,
Скользить в океанском просторе,
Прокладывать грудью пути.

И как-то подул свежий ветер,
Кораблик забился в струе,
И гонит его на рассвете,
И крутит в журчащем ручье.

Но трубы бумажные гордо
Торчат над кипящей водой,
Ведь он направляется к норду,
Захваченный быстрой рекой,

Выходит в открытое море,
Промокшим бумажным листом...
Он встретится с бурей вскоре.
И может быть выдержит шторм?!

Истина

Открылась истина вчера.
Я шёл домой, спеша,
Природа пахла и цвела,
И ластилась душа,

Вокруг, приветливо смеясь,
Роилась детвора,
Тогда почувствовал я связь
Насилья и добра.

Так мало для баланса сил
Условий и причин:
Кто много плакал и просил,
Тот выпал из мужчин,

А кто сражался до конца
Без слабости в руках
И не терял в пути лица,
Тот прав или неправ?

Добро и зло не разделяй,
Коль не хватает зла,
Его погуще разбавляй
Приправой из добра.

А где же истина, постой?
Вы вправе спросить.
На это есть ответ простой:
Без истин можно жить.

«Снял ауру в прихожей...»

Снял ауру в прихожей,
А карму – в ванной,
С калашнорядной рожей
Явился к вам я.

А вы диван примяли
Излишней статью,
Венерою сияли
Почти без платья.

И оказавшись в сфере
Небесной блажи,
Я плотно запер двери
И стал на страже.

А что же вы хотели
В мои-то лета?
Астрала в этом теле,
Давно уж нету.

Украинцы и мы

Давай накатим по рюмашке —
Все три украинца и я,
И правда, родились в рубашке,
А может, в вышиванке, тля.
Не проще ли – в косоворотке,
Какая разница, скажи,
Горилки выпить или водки,
Чтобы поверить в миражи?!

Скорее, в глаженной толстовке
С аксессуарами в носу,
По одному прошли по кромке
В давно прифронтовом лесу.

Но если разделить не в силах
Запретный (кем запретный?) плод,
Давай расстанемся красиво
Или легко, наоборот.

И снова о геополитике

Зачем Америка России?
Хоть мы противники насилья,
Но всё же, если будет надо,
На ноль легко помножим НАТО.

В Китае, иже Поднебесной,
Юаней много, только тесно.
Зачем развязывать войну?
Уступим лучше им Луну.

А заодно поближе к Солнцу
Расселим, наконец, японцев.
Чтоб на Земле вольготней стало,
Вернём всех ариев Уралу,
А на безлюдном Индостане
Красивый космодром поставим...

Да сохранятся на планете
Зулусы, русские и дети!

Однажды

Однажды... Нет, намедни,
Когда приходит срок,
В заутреню, к обедни
Ответишь свой урок.

И вспомнишь всё, что было
И не было с тобой,
Обглоданный обмылок,
В последний вступишь бой.

Когда итог – не сумма —
Случившийся баланс,
Когда и фора – умным,
И подвиг – не про нас.

Пройдёшься по канату
Совсем, как в шапито,
Но на полу не маты,
А старые пальто.
И если вдруг неверен
Хотя бы первый шаг,
То цирковые звери
Сбегутся на аншлаг.

Поэтому кумекай,
На что потратил пыл:
Остался человеком
Или всего лишь – был?

«На краю Ойкумены...»

На краю Ойкумены,
На границе стихий,
На задворках Вселенной
Возвели монастырь.

Там селились монахи
Всех религий Земли,
Оставляя на плахе
Убежденья свои.

Принял жертву такую
Высший Разум, как дань,
И над миром, ликуя,
Распростёр свою длань.

Но без Веры и Силы
Люди жить не смогли.
Монастырь развалили,
А монахи... ушли.

Древняя Греция

Были греки маленького роста —
Метр сорок, может, полтора,
Но зато могли легко и просто
Бегать по взлохмаченным горам;

Диск и дротик хорошо метали,
Мастерски сражались на мечах;
Разбирались в камне, и в металле,
И в гончарном круге, и в печах;

Довели почти до совершенства
Множество ремёсел и наук;
Научились достигать блаженства
Без затей, без подвигов, без рук;

Даже генофонд по ойкумене
Распылили, чтобы не пропал;
И не опускались на колени,
Если кто-то их и воевал;

Обожали мудрость и искусство,
Только вот с рабами подвели...
А теперь без них темно и пусто.
Да и были ль греки у Земли?!

Набросок к балладе

В избе горел притихший свет,
Стояли по углам мужчины,
Держали свечи и лучины —
Им вместе было двести лет.
И стол из струганной осины,
И гроб, затянутый в глазет.

А в нём Прекрасная Елена.
Её уснувшие черты
Хранили отзвук красоты,
Лишь на губах застыла пена.
Ведь жизнь не терпит пустоты,
И смерть приходит ей на смену.

Когда придёт тот скорбный час,
Когда терпеть уже нет силы,
И дух не вырытой могилы
Поселится без спроса в нас,
Будь мы послушны, будь строптивы,
Но прозвучит вдруг трубный глас.

Подводя итоги

И опять я стою на развилке
Трёх желаний и трёх дорог.
И разбросанные опилки
Пристают к подошвам сапог.

Как мечтал я дойти до сути
Не Вселенной, так бытия,
Чтобы жили простые люди
Мирно, праведно и любя!

И хотелось оставить заметный,
Ощутимый, как вспышка, след.
Пусть он будет не межпланетный,
Но согреет одну из планет.

А ещё я желал недетских,
Обжигающих плоть, страстей,
От которых некуда деться,
Как от пьяных стоящих гостей.

Сколько ж я истоптал тропинок,
Выбирая лишь трудный путь!
Сколько ноги лечил и спину,
Чтобы только с него не свернуть!

Но стою я опять на распутье
Тех желаний и тех дорог.
И зачем-то решаю, шагнуть ли?
Видно даром прошёл урок.

Не сосем детское

На окне сидела кошка,
Ела с блюдечка морошку —
Очень клёво есть морошку
У открытого окошка.
На карнизе птичка-крошка
Была зёрнышко горошка:
Подолбит, помедлит трошке,
Подолбит ещё немножко
(Каждый знает, что горошина,
Разве приведёт к хорошему).

На стекло упала мошка
И смешно скользнула ножкой,
Но завидев птичку-крошку,
Перепрыгнула на кошку.
Солнце светит понарошку,
Будто бы на небе брошка.
На земле стоит лукошко.
Пахнет сеном и окрошкой.
Ну, такая благодать,
Что тебе ни дать ни взять!

Лёгкий ужин

Вот и вечер клонился к исходу,
День прошёл, как шеренга курсантов.
На тарелке, входящие в моду,
Но не свежие круассаны.

Сколько дней окунается в Лету,
Одинаковых, словно близняшки?!
Ты напротив – эскизом к портрету,
В полосатом, как будто в тельняшке.
Для кого мы с тобой затвердили
Недоигранные кинороли?
Ведь неправда, что люди – есть стили,
И не может быть силы у воли.

Да и время – мираж в пустыне,
Не спасут от запоя кокосы...
На фамильном сервизе застыли
Круассаны, как знаки вопроса.

Наёмник

А был он простым наёмником —
Ландскнехтом удачи и смерти,
Не клоуном и не ёрником,
Лишь тем, кого радуют черти.

Кто любит в пылу сражения
Вдыхать терпкий запах крови,
Кто выйдет из положения,
Собрав по крупице волю.

Он ловко владел оружием,
Красиво кобылу дыбил,
Рукою, в боях натруженной,
Разделявал мясо и рыбу.

Покрытый железом и шрамами
От темени и до пяток,
Неряшливый и неграмотный
Он деньги в карманах прятал.

Не брезговал маркитантками
И всяким прилудным сбродом...
Зажата строгими рамками
Жизнь гениев и уродов.

Покаяние

Прилюдно он покаяться не мог
И каялся в своей ущербной келье,
И был возвышен и порочен слог,
И ядовит, как колдовское зелье.

Он вспоминал, что ночи напролёт
Ласкал запретное для неги тело,
Что время между пальцами течёт,
Когда коснёшься жадно и умело.

Он почему-то не любил людей —
Неискренних, негибких, ненадёжных,
Его тотем – сторожкий мудрый змей,
Способный сбросить собственную кожу.

Хоть каяться по жизни не привык,
Но в дни, когда случаются затмения,
И змей жуёт раздвоенный язык,
Он грузно припадает на колени.

«Нет, не ценят русские евреев...»

Нет, не ценят русские евреев,
С этим даже к бабке не ходи...
Но сегодня перекинулись на геев
С пламенем, бушующем в груди.

Чем не угодили им цветные —
Слабое в развитии звено —
Может, в предпочтениях и в любви их
Есть рациональное зерно?!

Голубеют негры и французы,
Розовеет мрачный Альбион,
Янки – перезрелые арбузы —
Тоже рвутся в Новый Одеон.

Пролетает снова мимо цели,
Ценности отстаивая, Русь...
Нет, не любят русские евреев:
Этого я искренне боюсь.

«Вот она стояла длинноногая...»

Вот она стояла длинноногая
В юбочке короткой, словно блиц,
Локон на виске рукою трогая,
Прикрываясь крыльями ресниц.
А подружка – пышное застолье —
Кровь, как говориться, с молоком
Рядом, оттеняла и не более:
Нам до боли сей сюжет знаком.

Проходили мимо несерьёзные
Мальчики – мужчины и юнцы,
Опускали долу очи слёзные
Мудрые по возрасту отцы.

И дрожали стёртыми коленями,
Унимая жжение в паху,
Проклиная божие творение —
Девушку, сосущую тархун.

Лишь один, собрав остатки удали,
Вдруг к подружке смело подошёл.
«Вы, возможно, что-то перепутали?»
«Может быть. Но это хорошо».

Ностальгия

Раскис солёный Петербург
В туманах и росе,
Его хвалёный Демиург
Уже давно, как все.

Слепое солнце не сулит
Достаточно тепла,
Потеет розовый гранит
Запретного Столпа.

Ржавеет светлая Игла,
Тускнеет общий фон,
И складка скорби пролегла
У огненных Колонн.

Я помню праздничный парад,
И Невский рвёт толпа,
Дождём омытый Ленинград,
Как матовый опал,

Весёлых лиц единый раж,
И улиц фуэте,
Легко доступный Эрмитаж,
Великий БДТ!

Диссидент

Вот и я покинул Россию,
И теряюсь в тлетворном Нью-Йорке.
Мне бы только английский осилить,
Обкатать знаменитые Горки,

Мне бы только пощупать свободу,
Поглядеть на довольные лица,
И с народом отборной породы
Хоть на время, но всё-таки слиться.

Вот и я покидаю Россию,
А точнее, как крыса бегу.
И давлю из себя ностальгию
И никак испытать не могу.

Но тогда, почему же я плачу
И глушу самогонный бурбон?!
Просто редко бывает иначе,
Если душу поставил на кон.

Плач

Сколько плакать мы будем по бедной Руси,
Над страданиями русского люда?!
Сколько можно терпеть, сколько можно просить,
Сколько можно кормить Чудо-Юдо?!

Здесь не саксы, не немцы, не всякая дрянь
Измывается яро и споро,
Здесь вскормлённая Русью разбойная длань
Распростёрлась над вечным простором.

Нас гнобили веками, ведя под уздцы
То в одну, то в другую темницу,
Наши деды молились, ворчали отцы,
А коней укрощали девицы.

Хоть рождала Невтонов для мира Земля,
И народ бунтовал – было дело,
Но всегда вылезала из кожи Змея
И питалась одним беспределом.

Разве можно настолько народ не любить,
Залезая всем скопом на выю?!
Кто возьмёт на себя путеводную нить,
Чтобы вырвать из мрака Россию?

Диалог о выборе жизненного пути

- Заметьте, нам не по пути.
- Ну, что вы все дороги...
- Наверно, в Рим должны вести?
- Зачем нам Рим убогий?!

Вот эта, скажем, прямиком
Нас приведёт к удаче,
А с этой плохо я знаком:
На ней всё больше плачут.

- Но если я люблю одна
И плакать, и смеяться?
- Могу вам предложить тогда
Меня не опасаться.

- Не опасаясь, а боюсь
Знакомых еле-еле.
- Понятно. Я вам улыбнусь
В преддверии постели.

- Я так и знала, как всегда,
Одна дорога – в койку.
- А что попишешь? Жизнь – бардак,
Зачем же делать стойку?!

«Почему Луна так притягательна?..»

Почему Луна так притягательна?
Выходя из дома, каждый раз
На неё ты смотришь обязательно
И подолгу не отводишь глаз.

Пятна, удивительно похожие
На знакомые материки.
Кто живёт там? Люди толстокожие
Или безобразные зверьки?

Или, сотрясаясь ураганами,
В кислом вулканическом стекле
Дышит не духами и туманами,
А погрязла в блуде и грехе?

Но ты хочешь верить только в лучшее:
Нежный первозданный белый цвет...
Каждый раз стоишь, во всяком случае,
Если облаков на небе нет.

Песенка про Англию

Когда-то Англия, когда-то
Собою представляла что-то.
Зато теперь она, ребята,
Сухие фрукты для компота.
Сегодня маленькие львята
Лишь канапе от бутерброда,
Давно забыли сорок пятый
И их смешного бегемота.

С тех пор старуха-королева
Играет пошло и лениво,
Совсем Британия сопрела —
Владычица пяти заливов.

Не стало даже джентльменов
Для должности премьер-министра,
Там просто не осталось «менов»:
Цвет – голубой, вкус – сладко-кислый.

Кармелита

Кармелита – нерусское имя.
Почему же в соседнем дворе
(Не в Мадриде и даже не в Риме)
Проживают их сразу же две?

Вот выходит одна из-под арки —
Выплывает высокая грудь,
И походкой нетронутой ярки
Начинает свой утренний путь.

И тогда устремляются взоры,
Как стволы под один горизонт,
Где чулки украшают узоры,
Или тыл переходит во фронт.

А вторая ракетой на старте
Замерла у открытых дверей.
Тут уж взгляды в безумном азарте
Очень преданно прыгают к ней.

И на что там смотреть – неизвестно —
На потасканном дефиле.
Может быть, Кармелитам не место
На святой православной земле?!

Победа

С каждым годом Победа становится злее,
Или с возрастом я становлюсь всё мудрей.
Вижу тощую спину хромого еврея
И открытую пасть Бухенвальдских печей.-

Вижу хлев на краю разорённой деревни,
Где горят старики, как в жаровне дрова.
И чернеют скелеты плодовых деревьев.
И рыдает взахлёб молодая вдова.

Вижу русских солдат, вмёрзших в лёд переправы —
Их останки не примет родная земля.
По пшеничному полю мимо стройной дубравы
Проползает гремящая сталью змея.

Слышу стон матерей над слепой похоронкой —
Эти слёзы бумагу способны разъесть.
А испуганный взгляд босоногой девчонки,
Что мечтала счастливой сейчас быть и здесь!

Так зачем мне теперь говорят о Ленд-лизе,
Про какое-то дутое войско – РОА?!
Может, хватит душе заниматься стриптизом,
Может, правде в глаза присмотреться пора?

Вся Европа легла под безумного фрица,
Пол Европы пришло сеять ужас и смерть.
Сколько жизней ушло, чтоб смогли убедиться,
Как умеет сражаться лишь русский медведь?!

Пусть сегодня жужжат словно пчёлы поляки,
Пусть Америка вновь утопает во лжи —
Кулаками махать хорошо после драки,
Можно жить и над пропастью, даже во ржи.

Мне не жалко врагов, что нашли здесь могилу,
Слой за слоем они удобряют поля.
Мы за мир и свободу. Богатырскую силу
Мы не тратим впустую, на мелочь и зря.

9 мая 2019 года

Богдановичу

Сменяются солнце и тучи свинцовы:
То снежный заряд, то приволье лучей.
Вот так рассыпается ветхое слово
Среди упоительно пошлых речей.
Рука произвольно вершит звуко­смыслы,
Прелюдией льётся слащавая речь,
Не просто во веки, а ныне и присно
Стараются нищую душу сберечь.

Сгорают до сажи фальшивые строчки,
Теряется втуне кривая тропа,
На азбуку Морзе похожи три точки,
И надо ли спорить до пены у рта?

Но коли, читая, вступаешь в чертоги
И музыку слышишь заоблачных сфер,
Немногим подвластно, поверьте, такое...
Лишь тем, кто увидеть успел и сумел.

А. Богдановичу

Даже не с кем мне поговорить
(Ты ушёл, и сразу стало пусто)
Про не слишком чистое искусство
И искусство в этом мире жить.

Я помню, как мы спорили с тобой до хрипоты
О мерзостях давно в зубах навязшего ГУЛАГа.
Но был уверен я всегда, как был уверен ты,
Что кровь до капли отдадим за честь родного флага.

С улыбкой ироничной на губах
Ты очень мягко относился к людям.
Давай, сегодня спорить мы не будем:
Из праха вышли, обратимся в прах.

Но оставляем на Земле зачем-то, уходя,
Не только память, в купе с ней истерзанные души.
И пусть они саднят, среди ещё живых бродя,
Ты так красиво говорил и так красиво слушал!

Талант не зарывается в песок,
И не горят в огне стихотворенья —
Пусть через годы, через поколенья
Пробьётся к вечной жизни колосок.

Быть может, всё, что ты задумал сделать, не успел —
Нам времени отпущено, по сути, и немного,
Но ты работал, ты мечтал, надеялся, хотел
И без сомненья протоптал к сердцам *свою* дорогу.

Мне очень жалко
(Баллада, читается в любой последовательности,
кроме посылки)

Мне очень жалко президентов,
По большей части, импотентов.

Мне очень жалко либералов,
Им что ни дай, всё будет мало.

Мне очень жалко демократов,
Их часто посылают матом.

Мне очень жалко депутатов,
Живущих на одну зарплату.

Мне очень жаль архиереев,
За то, что им никто не верит.

Мне очень жалко папуасов —
Они не ели вволю мяса.

Мне очень жалко Афродиту,
За то, что две руки отбиты.

Мне очень жалко генералов,
Когда налево, им – направо..

Мне очень жалко новобранцев,
Над ними любят издеваться.

Мне очень жалко, просто – очень —
Обманутых надежд рабочих.

Мне очень жалко пионеров,
Всегда готовых быть примером.

Мне очень жалко коммунистов,
Всё к сердцу принимают близко.

Мне очень жалко самураев,
А почему? Пока не знаю.

Мне очень жалко гамадрилов —
Природа здесь перемудрила.

Мне очень жалко носорогов,
И тех, кто их за рог потрогал.

Мне очень жаль пенсионеров,
За то, что действуют на нервы.

Мне очень жалко иностранцев —
Французов, немцев, итальянцев.

Мне очень жалко инвалидов,
Не просто жалко, а обидно.

Мне очень жалко идиотов,
На них ввести пора бы квоту.

Мне очень жалко всех евреев,
Вот их я искренне жалею.

Мне очень жалко олигархов,
А впрочем, их одних не жалко.

О мраке в стане Зодиаков

И вскричали Близнецы
Удальцы и молодцы:
«Ну-ка, жалкий Водолей,
Водки нам налей скорей,
Мы хотим, япона мать,
Нашу Деву пощипать!»
Воспротивился Телец,
Лизоблюд, но не подлец:
«Им бы только водку жрать,
Да на Деву залезать.
А слабо вам двум рубакам
Льва поставить в позу Рака
Или отловить Стрельца
И схватить за два яйца?»
Тут же глупый Козерог,
Получив от братьев в рог,
Скорпиона попросил
Плюнуть ядом, что есть сил...
Овен дремлет в стороне
При здоровье и руне,
Рыбы плавают в воде —
Им до Девы нету дел,
Даже лживые Весы
Руки спрятали в трусы.

Там, где много Зодиаков,
Будет смута либо драка.

ГНОМИКИ-ГОМИКИ

Стоит в лесу сосновый сруб,
Конечно, он убог и груб,
Но в срубе том, как в домике,
Живут сплошные гномики.
Они давно живут в лесу,
Копаясь не в руде, в носу,
Питаясь клюквой и грибами,
Играя крепкими словами,
И ничего не делают,
По лесу просто бегают
За зайцами и лисами
Беспечные и лысые.
Им Белоснежки не нужны,
Они друг с дружкой дружны...

Когда-то в этом домике
Медведи жили – комики
И их подружка Машка —
Девчонка-промокашка.
А раньше добрая Яга
В избушке спрятаться могла,
А, может, даже Лесовик —
Большой затейник и шутник.

Но их пора прошла давно,
Сейчас и в жизни, и в кино
На сцену вышли гномики:
Политики да гомики.

Лесной Барсук

Жил в лесу один Барсук —
Доктор всяческих наук —
Знал, как Зайца подловить,
С ним плохое сотворить,
Как поймать в кустах Лисицу,
Если по ночам не спится,
Или Волка, скажем прямо,
Заманить на волчью яму,
Опозорить, надругаться
И при этом не попасться,
Ведь лесные Барсуки
На крамольное легки.
Их боятся все соседи:
Росомахи и Медведи,
Даже импортный Жираф
Знает про барсучий нрав.

Если ж вы попали в лес,
И на вас Барсук полез,
Лучше Скунсом притворитесь —
Их не любят Барсуки.

Из стихотворений о Петрухе Митине

1. Миру – мир!

Бригадир Петруха Митин
Был на ближних не в обиде,
Пил он горькую без страха,
«Беломор» курил, как трактор,
И на стройке, где работал,
Лучше всех по фене ботал.
Но была мечта у Пети:
Чтобы мир был на планете,
Прекратить кошмары боен
Он серьёзно был настроен.
Каждый день и каждый вечер
Заводил об этом речи.
Тёк спокойно разговор,
Если не вступали в спор.
Правда, коли, кто дерзил,
Мирный Пётр сразу бил,
Всё равно, куда и как,
В цель летел его кулак.
Ведь добро должно всегда
Защититься от врага.
Потому и Петя Митин
Свет в конце тоннеля видел.
Он уверен, что на свете
Будет мир! Спасибо Пете.

2. Геополитика

Бригадир Петруха Митин
Был отчаянный политик.
Мог один он днём и ночью
Защищать права рабочих.

И ещё, скажу вам больше,
Находил на карте Польшу.
И считал, что НАТО-блок
Волком смотрит на Восток,
А тлетворный дух и запах
Гонит на Россию Запад.
Ну, а коли примет чарку,
Становился вмиг овчаркой,
Рвал британского бульдога
На английский флаг с порога.
Если ж кто-то вдруг неправ
Или просто кажет нрав,

Лишь тогда ритор Петруха
Мог слегка заехать в ухо.

3. Красота спасёт мир

Бригадир Петруха Митин
Был ещё отменный критик.
Он любил литературу
И советскую культуру,
Знал театр и кино
(Правда, не ходил давно),
Уважал архитектуру,
Из песка лепил скульптуру,
Сам неплохо рисовал,
Если водки выпивал.
Хрипло пел под балалайку,
Рвал с груди морскую майку.
Мог достойно рассуждать,
Где, кому, едрёна мать.

Всё расставит по местам,
Ну, а вдруг не сможет сам,
Двухпудовым кулаком
Подведёт итог потом.

4.«...что может собственных Невтонов...»

Бригадир Петруха Митин
Был готов к большим открытjям.
Знал он Бора и Ландау,
И любил цитатник Мао.
Как-то утром воскресенья
Проштудировал Эйнштейна,
Понял только: скорость света
Не доступна для поэта.
Пил с биологом однажды,
С математиком пил дважды,
Не понравилось: бином
Снился семь ночей потом.
Но нанёс ему обиду
Труд «Происхождение видов».
В зоопарк пришёл к горилле,
По душам поговорили —
И тогда узнали дети,
Где горилла, а где Петя.

5. Любовь и голуби

Бригадир Петруха Митин

Женщин был большой ценитель.
Их по типам не делил,
Беззаветно всех любил.
И мужланам не в пример
Был галантный кавалер.

Петя вам не Калиостро
Поступал предельно просто:
Не хотите иль хотите
Будет вашим Петя Митин.
Знала Петю вся округа,
Как большого женщин друга,
Не любили лишь мужа,
Если рушилась семья.
В общем, даже Дон Гуан
Рядом с Петей – павиан.
Но, случилось, нападало,
Кой кому перепало,
Даже голубь иногда
Может клюнуть. Не беда!

6. Дети – цветы жизни

Бригадир Петруха Митин
Был застенчивый родитель,
Потому как на Петруху
Раз-другой была проруха —
Вот идёт в пальто из драпа,
Вдруг как громом: «Здравствуй, папа».
Что ответит здесь Петруха?
Лишь закашляется глухо.

Дети – яркие цветы,
Это знаем я и ты.
И поэтому у Пети
Были, есть и будут дети!

7. «Жизнь прожить – не поле перейти»

Бригадир Петруха Митин
Был серьёзный потребитель.
Коль заглянет в магазин,
Половину уносил.
Всё в хозяйстве пригодится,
Почему старуха злится?
Просто Митина Наташа
Не влезала в эту чашу.
Но зато друзьям уют:
Здесь едят, и спят, и пьют.

Бригадир Петруха Митин,
В целом, даже безобиден.
Только, чтобы мирно жить,
Нужно с Петею дружить.
И тогда, скажу вам, братцы,
Он не станет больно драться.

8. В сухом остатке

Бригадир Петруха Митин,
Стал, что кожезаменитель:
На работе, дома, в людях
Был маленечко зануден,
Хорошо ли или плохо
Отразилась в нём эпоха.

Вот тогда Петруха Митин
Стал практически, не видим,
Дело в том, что в нашем мире
Оптом их производили.
Если ж рассуждать цинично,
Петя – кадр единичный,
Он один за всё в ответе —
Наш советский Митин Петя.

Басни

Инцидент в лесу

Барсук по плечи в норку влез
И вдруг застрял: ни пикнуть, ни вздохнуть.
А что же вы хотите?! Лес.
Здесь каждому назначен крестный путь.
Сначала Зайчик мимо прыг да скок,
И видит, зад под деревом торчит.
Вы думаете, брату он помог?
Надейтесь дальше, мы же промолчим.
За ним приковылял зубастый Волк,
Приметив этот фарс издалека,
Он всю картину взять не может в толк,
Но двум бесстыдникам на всякий случай дал пинка.
Тут прибежала рыжая Лиса,
Куда же без неё, когда скандал?!
Мотала нервы добрых полчаса.
Барсук уже не плакал, а икал.
Не станем долго мы перечислять,
Почти весь лес собрался у норы:
И те, кого воспитывала мать,
И те, что жили с папой до поры.
И мненья у мохнатых пополам:
Одни – тянуть, другие же – толкать...

А получилось, в целом, стыд и срам,
Нам неприятно даже вспоминать.

СКОТНЫЙ ДВОР

Застал Баран свою Овцу с Козлом —
Какое скотство на природном лоне!
Баран всегда при деньгах и в законе,
К тому ж известен, как адепт борьбы со злом.
Козёл в отказ, но сам ни бе ни ме,
Привык за годы жизни к отпущеньям.
Все на него смотрели с отвращеньем,
Сейчас Баран Козлу покажет мулине.
Но тут, на удивление, Овца,
Известная в подворье феминистка
(Куда деваться, коль беда нависла?!),
Давай теснить своих детей отца:
«Я видела тебя с Коровой и Козой,
И даже с Лошадью застучала однажды.
Ты что на это, тупорогий, скажешь?
Куда пошёл? Остановись, стой!»
Быстрее всех за ним Кабан бежал —
Боялся, вспомнят вдруг Свинью некстати,
Копытом Жеребец навоз лопатил,
Пока реальный Бык соображал...

Мораль. Когда случается конфуз,
В сторонке лучше помотай себе на ус.

Любовь и Хозяин

Любовь на огонёк зашла вчера,
Не постучавшись в запертые двери,
Через калитку заднего двора
Да в форточку пролезла еле-еле.
Нет, посидеть бы чинно за столом
И закусить «чем бог послал», от кума,
Позубоскалить час о том, о сём
И разойтись без пыли и без шума.
Она давай качать свои права,
И развалившись в кресле у камина,
В огонь кидать хозяйские дрова
И растирать о подлокотник спину.
Потом ещё полезла в шифоньер
Примерить то, что снова входит в моду,
Бельё с начёсом, скажем, например,
Приятное в холодную погоду.
И вот с ногами забралась в кровать,
А проще, снять ботинки поленившись,
И стала нудно, хрипло ворковать
Про то, «как хороши, как свежи были» вишни.
Хозяин испытал вначале шок —
Любовь за жабры крепко брать умеет —
Затем в себя со временем пришёл

И вытолкал Любовь сквозь запертые двери.

Вошь и Божий Свет

Забралась Вошь в нечесаную шерсть
И чувствует себя, как козлик в огороде.
Здесь можно сладко спать и жирно есть,
А вшивой много ль надо ли природе?!
И так привыкла жить без встрясок и забот,
Что потеряла страх и даже чувство меры.
Что под рукой лежит, уже не лезет в рот,
Ей надо рваться в бой, брать свежие барьеры.
Короче, выползла она на Божий Свет.
А тут её к ногтю, и Вши в помине нету...

А ведь могла прожить ещё немало лет,
Когда прошла бы тяга к знанию и свету!

Боль и Воля

Вселилась Боль в физическое тело,
И ну его трясти, как яблоню под осень.
Со стороны, кому какое дело?
Ведь Боль сама собой ни пить, ни есть не просит.
А Боль умела делать очень больно
Сосать и жечь, потом давить, колоть и резать.
Терпеть её сквозь зубы, но достойно
Доступно разве тем, кто может мыслить трезво.
Вот так и жили, даже спали вместе,
Делили кров, еду, нехитрые лекарства.
Поддаться первым? Вроде много чести.
А откупиться? Только возвратив полцарства.
Но время лечит. Боль стекла слезою,
Оставив след. Но шрамы красят мужа.
Была бы Воля справиться с бедою.

А Боль? Она теперь в хозяйстве верно служит.

Пророк и я

«Пророк, что можешь напророчить
Мне про моё существованье?»
Он долго думал, вздев на небо очи,
Потом промолвил тихо: «До свиданья».
«Тогда скажи, оракул, про Россию,
Что ждёт её в семнадцатом и дале?»
И он ответил: «Будет всё красиво,
Быстрее надо лишь крутить педали».
«А если взять прогноз немного шире,
Куда летит болезная планета?»
«Всё может стать в этом бренном мире».

И я поверил, право, в мудрость эту.

Слава, Власть и Богатство

Днём на вёслах вышли в море.
«Море пенилось игриво».
Были в лодке только трое:
Слава, Власть и денег Сила.
Вдруг вокруг вскипели волны,
Солнце спряталось за тучи.
И водой солёной полный
Чёлн взлетал и падал с кручи.
Первой Власть свалилась за борт,
Вал слизнул её, как крошку.
И на дно на радость крабам
Власть пошла, хлебнув немножко.
А второй сломалась Слава,
Со стихией ей не слиться.
Нет на море веток лавра,
Есть один конец – топиться.
Не купить деньгами бурю:
Сила превратилась в Слабость...

А мораль? Все утонули.
Только лодка и осталась.

Мы и динозавры

Так случилось. Может, завтра
Сгинут скопом динозавры.
Не от голода и сплина,
А без видимой причины.
Может, их испепелит,
Прилетевший вдруг болид,
Может, полюс минус-плюс
У планеты вздует флюс,
Или Солнце, обнаглев,
Не пришлёт в достатке грев,
Иль не хватит адаптаций
При отмене гравитаций.
Но придёт последний час —
Динозавры вымрут враз...

Однополый брак, ребята,
Это просто – предоплата.

Братание

Все на Земле брататься стали
(Быть может, враждовать устали):
Братались белые и негры,
Братались усташи и венгры,
Братались бритты и германцы,
И с ними прочие засранцы,
Корейцы с двух сторон обнялись,
Взаимно долго извиняясь,
Приветил вдруг еврей араба,
Поляк в пространство сунул краба,
Целует гея натурал
И приглашает на хурал,
На водопое крокодил
Двух гну и зебру пощадил...
Короче, на Земле – Эдем.
И так комфортно стало всем!

Вот только русские опять
Плюют на всех... ни дать ни взять.

Заяц, Волк и истина

Однажды Заяц во хмелю
Стрясти задумал по рублю
Со всех зверей. Вдруг видит Волка.
«Сейчас ему намылю холку».
– Пстой, позорный, не беги,
А лучше рубль отстегни,
А коли станешь тормозить,
Научишься по-волчьи выть.
Тут Серый – полная скотина —
Случайно Заяцу лапой двинул,
И лопухий, свирепея,
Как леопард напал на зверя.
Но нет зубов и нет когтей
У Заяца для таких затей.
В сей схватке было мало толка,
Пришлось ему бежать от Волка.
Пока носились, протрезвел,
Не помнит даже, что хотел,
И чтобы потушить скандал,
Он Волку два рубля отдал.

Вот так за истину в вине
Сам платишь, да ещё – вдвойне.

Кот и Мыши

Пройдоха Кот, попав в пекарню
(Обманом место получил),
Хотя и был рубахой-парнем,
Мышей, конечно, не ловил.
Но, чтобы место удержать
И заслужить любовь и ласку,
Негоже целый день лежать,
Хозяев ублажая сказкой.
Увы, приходится вертеться,
Почти как мухе на стекле,
Ведь есть желудок кроме сердца —
Потребность в пище и тепле.
А здесь кормёжка и кровать —
Ну что желать от жизни можно?!
К тому же просто воровать —
Без фанатизма, осторожно.
Короче, Кот решил шараду,
Мышей стал тайно приводить.
(Бывает на халяву рады
И мы кишку себе набить).
А тут, куда ни кинь, мука,
А если пошустрить, сметана.
Но наша участь нелегка
Без безобидного обмана.
Так Мыши кстати подвернулись,
Их Кот от пуза накормил.
Когда хозяева вернулись,
Как раз последнюю давил.

Вы убедились? Как и встарь
Сегодня не в чести мораль.

Испорченная Лиса

В Лесу повадилась Лисица —
До женских дел большая мастерица,
Смущать непорченный народ
(Козла пустили в огород).
То Волка умыкнёт в кусты,
То крутит Кабанам хвосты,
То Зайца за уши и в чашу...
И всё хитрей, коварней, чаще.
Но раз, от страсти вся дрожа,
Случайно села на Ежа.
Вскочив стремительно, визжа,
Раз восемь обогнула Лес,
Покуда Ёж с плутовки слез.
Но срок пришёл, и родились —
Не догадаетесь ни в жизнь:
Волчонок, Зайка, два Ежа,
Гибрид, похожий на Моржа,
Три Поросёнка, Оленёнок
И – человеческий ребёнок.

Вот здесь вопрос поставлен будет:
Как в этот Лес попали Люди?

Дилемма

Коза спросила у Козла:
«А кто ответит за Козла?
Ведь знают даже дети,
Козлы за всё в ответе».
Козёл ответил ей: «Коза,
А это кто тебе сказал?
Вот Сидор драл свою Козу,
И у меня в копытах зуд.
Довольно в этом мире зла,
Зачем винить во всём Козла?
Теперь за прегрешения
Коза для отпущения».

Подумайте, какая разница,
Чья за базар ответит задница?!

Лесник и Лиса (басенка)

Поймал в лесу Лесник Лису,
Решил: домой её снесу.
Но, изловчившись, враз Лиса
Ему вцепилась в волоса.

Не стоит, брат, шутить с Лисой,
Когда на службе и косой.

Селекция (басенка)

Скрестили Волка и Козла,
И в мире стало меньше зла:
Гибрид не лезет в огород,
Легко вздохнул лесной народ.

Одно лишь плохо, что во власть
С тех пор стремиться он попасть.

Былины

Былина про то, как Самсон, Голиаф и Геркулес на Русь ходили

Это было давно и неправда.
Все вороги уже усмирились
И не смотрят на землю святую
На лесистой великой равнине,
Потирают свои ягодицы,
Глядь освоили крепко уроки,
Что бесплатно они получили.
Но ещё не иссякли злодеи,
Что желают халявного мёду
И пеньки, и берёзы карельской,
И собираются силой несметной,
Чтобы жён опорочить славянских.
Геркулес с каменистой пустыни,
Голиаф с Палестины заморской
Да Самсон – Ханаанский бродяга,
Все идут по задворкам Европы
И вторгаются в русскую землю.
Но стоят на границе стеною
Три мальчика из глубинки российской:
Брат Алёша – поповское семя,
Сам Добрыня – Никитовый отпрыск
И старшой их – Илья – сын крестьянский,
Пролежавший пол жизни на печке.
Здесь схватились на почве религий
Наш Попович с предтечей раввинов
И лягают друг друга ногами,
Матерясь, как последние поцы.
Чуть левее схлестнулись Добрыня
Да гора филистимского мяса
И упёрлись железными лбами,
Только пот по кольчугам струится.
А правее сошлись, будто корни,
Геркулес, что герой из героев
И потомок всеильного Зевса,
И Илюша из Муромской братьи,
Что крышует Владимир и Киев,
И простого народа надёжа.
Тут Земля задрожала всем телом,
Взбухли реки – упругие жилы,
И холмы заиграли, как мышцы,

И деревья легли, словно травы.
Но скажу я вам честно и прямо,
Как любил быструю Боян,
Пацаны не учли, без базара,
Что в серьёзный попали замес.
В общем, Лёха отбуцкал Самсона,
Хорошо ещё пасть не порвалась,
А Добрыня в слоёное тесто
Раскатал Голиафа руками.
Дольше всех Геркулес продержался,
Победитель людей и чудовищ,
Но железную хватку Илюши
Даже он не сумел разорвать.
И погнала дружина залётных,
Да опять по задворкам Европы,
Чтобы помнили шведы и немцы
Богатырскую силищу руссов.

Былина про то, как Алёша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец на охоту ходили

Давно это было в Руси многоликой.
Пошли на охоту три верные друга
(Охоту всегда россияне любили):
Алёша, Добрыня и с ними Илюша —
Надёжа и совесть великой державы.
Один наловил три десятка сайгаков,
Другой приволок сорок восемь медведей,
А третий привёл девяносто баранов —
Вот это свезло пацанам на охоте!
Устроили праздник: нажарили мяса,
На мёд налегли, лучших девок назвали
И стали хвалиться удачной добычей,
Что взяли в степях и предгорьях безлесных,
Кто с помощью лука, кто просто руками,
А кто, угощая дубиной с шипами,
Но всё же стараясь не портить животных.
Выводит сайгаков на площадь Попович,
Всем скопом, связавши одною верёвкой,
А люди хохочут, живот надрывая,
Сайгаки в халатах, в сапожках носатых,
И злые глаза – очень узкие щёлки.
Никитич медведей пригнал на смотрины —
Матёрые звери ужасного вида —
Все в шкурах лохматых и шлемах с рогами,
Но лапы опутаны крепкой пенькою.
Народ удивляется – дивное диво,
Никто же так близко не видел мохнатых.
А Муромец грудой представил баранов,
Где только собрал он такую отару?!
В блестящем руне и в железной обувке,
Но, видно, не слишком-то жирное мясо.
Веселью сегодня не будет предела:
Вот это охота! Но где же припасы?!
Напутали, верно, ребятки с устатку,
Придётся им снова идти за удачей:
Алёше с Добрыней и даже Илюше,
Ведь любят поспрашивать русские люди,
А что, по-хорошему, взять с басурманов?!

Былина про то, как Илья Муромец с Добрыней Никитичем поссорились (перевод со старославянского)

Поссорились как-то Илья и Добрыня
И вышли на волю помериться силой.
Пять суток без сна и без отдыха бились,
Пока не устали, то бишь, притомились.
И стали селяне окрестных селений
Убытки считать, да и то, как умели:
Три поля озимых, покосы, пять пашен,
Четырнадцать изб, две телеги с поклажей,
Пятнадцать коров, Ваня-бык, семь овечек,
Без счёту горшков, и скамеек, и свечек,
А также (куда хоронить всех, зараза?!)
Три тысячи двести лежит узкоглазых,
И триста лохматых – наёмный отряд —
Из мест, где грибы перед боем едят.
Ещё хорошо, что успела удрать
Какая-то конница тысяч на пять.
Селяни мирили Илюшу с Добрыней,
Им мёда хмельного по бочке налили,
Просили, уж если без драки не спится,
То чтобы подальше ушли, за границу.

Былина про то, как Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович славян объединяли (перевод со старославянского)

Решил князь-Владимир премудрый и красный,
Что жить в разобщённости слишком опасно,
Что могут варяги напасть – проходимцы,
Нагрянуть татары – степные мздоимцы,
И чтоб сохранить нам святую Россию,
Недурно б славянами землю усилить.
И тут же придумал: друзей благородных
Отправить походом в другие короны,
Где близкие руссам живут человеки,
Чтоб стали славяне братьями на веки.
Призвал их пред очи и обнял три раза.
Те выпили мёду и отбыли сразу:
Илюша на Запад, Добрыня – чуть выше,
Алёша на юг, к морю тёплому ближе.
Проходит неделя, проходит другая,
Владимир глаза проглядел, не мигая.
Вдруг пылью дорожною солнце закрыло —
Вернулся Алёша – орёл сизокрылый.
Покрылся загаром, с улыбкой весёлой
Расставил у стен он своих новосёлов.
«Куда же нам столько?» Владимир дивится:
«Мне что-то не нравятся многие лица».
«Вот сербы, болгары, а вот черногорцы...»
«А эти откуда смешные уродцы?
Таких не видали на Древней Руси,
Любого прохожего можешь спросить.
Я думал, они почернели от пыли,
Но их ни золой, ни песком не отмыли».
«Да не было времени, княже, поверь мне,
Ведь это же люди, не дикие звери,
Рельеф расчленённый, солёное море...
Набрал, что попало, хоть мог бы поболее».
За ним возвратился Добрыня Никитич,
С собою пригнал он четырнадцать тысяч:
Поляков и чехов, словаков, германцев
И чёртову уйму других иностранцев.
Досуг ли ему разделять по народу:
Пинка – и в колонну, не хочешь – так в морду.
Владимир всмотрелся. И выгнал всех сразу:
Зачем же плодить в государстве заразу?!
Последний – Илюша – пахан всей дружины,
Он был скрупулёзен, настойчив, двужилин,

Собрал бульбашей по лесам и болотам,
Хохлов оторвал от колхозной работы,
Почистил, помыл, по уставу оправил
И маршем с задорною песней отправил.
Их сразу признал дальновидный Владимир:
Под дланью оставил, дал русское имя.
Одних, что белее, нарёк белоруссы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.